

11.

В отличие от дома Гао Нина, в гости к Вэй Ицзуню я всегда ходил с огромным удовольствием.

Их семья жила в жилом районе для семей сотрудников НИИ биологии XX. Дедушка, отец и мать Ицзуня были ведущими специалистами института, а потому занимали просторную двухуровневую квартиру — одну из лучших в доме.

Но по-настоящему меня манили не квадратные метры, а книжные шкафы. В каждой комнате они занимали целую стену, от пола до потолка. На первом этаже, помимо спальни и кабинета дедушки Вэя, располагались огромная гостиная, столовая и кухня.

Вэй Ицзунь с родителями жил на втором этаже, в комнатах на солнечной стороне. Там же находились две гостевые для родственников из-за границы. И хотя они почти всегда пустовали, книжные полки там тоже были забиты до отказа — к библиотеке в этой семье относились серьезно.

На каникулах мой распорядок дня почти не изменился: подъем в шесть утра, по понедельникам, средам и пятницам — завтрак и бегом в Спортивный город на занятия по тхэквондо. Пообедав на девятом этаже в фуд-корте, я прыгал на велик и катил к Вэю.

На домашку у нас уходило от силы минут сорок. Всё остальное время мы рубились в приставку, смотрели кино или просто читали. Домой я возвращался только к четырем часам дня.

В комнаты на солнечной стороне свет заглядывал до трех часов. Мы часто забирались с книжками в надувные кресла у огромного панорамного окна и читали в тишине, слушая, как за стеклом завывает северный ветер. Те моменты, наполненные безмятежным покоем, теперь кажутся мне чем-то призрачным, почти нереальным. Словно прекрасный сон.

Одно надувное кресло было совсем новым, другое — постарше. Вэй сказал, что их привезла тетя из Великобритании. Обычно он пользовался только одним — оно было мягким и жутко удобным, — но ради меня вытащил и надул второе.

— Угу, и правда удобно, — пробормотал я, не отрываясь от книги.

В этот момент я почувствовал, как он бесцеремонно выуживает мои ступни из ворса толстого ковра и прячет их у себя под свитером, прижимая к теплему животу.

— Да не мерзнут они у меня, — я покосился на него.

Этот парень лишь широко улыбнулся и крепко прижал мои ноги к себе, не собираясь отпускать. У них дома топили на совесть — стабильные двадцать четыре градуса, куда теплее и уютнее, чем наши двадцать. Под лучами послеполуденного солнца наваливалась такая лень, что я невольно сравнивал себя с поросенком, который усиленно нагуливает жирок.

Дома я привык сбрасывать тапочки, стоило только войти в свою комнату, и при Вэй Ицзуне не стал изменять этой привычке. Сначала он просто пялился на мои босые ноги, а потом перешел к решительным действиям: начал хватать их и «высиживать», как наседка яйца.

Иногда мы подкалывали друг друга. Если мне не хватало слов в споре, я в шутку пинал его в грудь, а он в ответ щекотал мне пятки. Этот сорванец оказался тем еще пройдохой — моментально вычислил мое самое слабое и чувствительное к щекотке место.

Как-то утром я слишком выложился на тренировке по тхэквондо, и после обеда, разморенный солнцем, незаметно для себя уснул прямо в кресле. Проснулся я уже в кровати, на мягких подушках под теплым одеялом. Телу было на удивление легко и свободно, а поперек талии лежала чья-то сильная рука.

Повернув голову, я увидел пристроившегося рядом Вэй Ицзуня. Он как раз открыл глаза, и его сонный взгляд, чистый и ясный, потеплел, и он весело прищурился.

— Проснулся? Хочешь мороженого?

Я еще толком не пришел в себя, когда почувствовал, как его лапища юркнула под мою футболку и несильно ущипнула за бок. По-дружески, но очень нежно.

А-а-а! Я же боюсь щекотки!

Я пихнул его под одеялом и вскочил. Сон как рукой сняло. Взгляд метнулся от кровати к надувным креслам у окна. Расстояние приличное. Если только я не научился ходить во сне, то...

Я развернулся и изо всех сил ущипнул его за крепкие щеки. Он лишь добродушно рассмеялся, даже не пытаясь сопротивляться, и помог мне пригладить всклокоченные после сна волосы. Эх... против этого его честного, обезоруживающе-простодушного вида у меня не было приёма.

— Пойдем, достанем мороженое.

Он взял меня за руку и весело потащил вниз по лестнице.

Мне казалось, будто за его спиной в воздухе виляет невидимый пушистый хвост, задевая самые тонкие струны в моей душе. Ицзунь был удивительно легким и жизнерадостным ребенком. Он был похож на теплое зимнее солнце: сколько бы холода ни было снаружи, его внутреннего

жара хватало, чтобы согреть всё вокруг.

Дома его звали Чжуанчжуан — Крепыш. На детских фотографиях он и впрямь был знатным толстячком. На каждом снимке этот карапуз сиял во все свои молочные зубы, щеки пухлые, переносицы почти не видно — вылитый золотистый хомяк, такой же круглый и забавный.

Ему ужасно нравилось, когда я звал его по прозвищу. Стоило мне крикнуть: «Чжуанчжуан!», как он, бросая все дела, коршуном летел ко мне. В такие моменты мне казалось, что золотистый хомяк мутировал в здорового лабрадора.

Дома меня звали просто Сяо Лин, других имен у меня не было, но Вэй Ицзунь упорно отказывался в это верить. Он приставал ко мне, заявляя, что «Сяо Лин» — это слишком просто и скучно, и он обязан придумать что-то особенное. В тот момент мое сердце болезненно сжалось. Я вспомнил те сны, где мама и папа называли меня «Малыш», но я знал: так родители называют всех детей на свете. Это не было моим личным, особенным именем.

На следующий день Вэй Ицзунь прибежал ко мне весь в предвкушении и притащил в подарок комплект DVD с «Доразмоном».

— Сяо Диндан! — воскликнул он, едва переступив порог, и заговорщицки подмигнул.

— Чего?

Он подлетел ко мне, подхватил и начал кружить по комнате. Только когда у меня голова пошла кругом, он наконец остановился:

— Теперь ты мой Сяо Диндан. Раньше я больше всего на свете любил этого кота, а теперь больше всего люблю тебя. Так что будешь Сяо Динданом, идет?

— Тогда ты — Золотой крепыш-хомяк! — фыркнул я. С чего это я вдруг стал робо-котом без ушей?

— Хи-хи! Сяо Диндан, ну-ка подставляй ушки, я их погрызу! Пи-пи!

Он ткнулся своей лохматой головой мне в шею. Знал ведь, зараза, что я боюсь щекотки, и всё равно полез кусаться. Больно не было — он лишь прихватывал кожу зубами, — но от щекотки я просто сходил с ума.

— А-а-а!

Я подпрыгнул, попытался его лягнуть, но мы запутались в ногах и кубарем повалились на кровать. Моя комната — не его хоромы: кровать, письменный стол, шкаф да книжная полка.

Места хватало разве что на полу отжаться.

Не прошло и десяти секунд, как в дверях нарисовалась Цзи Сюэинь. Глядя на нашу возню, она насупилась, подбоченилась и включила свою фирменную «Императрицу»:

— Босс Вэй, ты как это посмел моего брата обижать? Совсем страх потерял?

В школе крутой нрав Цзи Сюэинь был легендой. Вэй Ицзунь, хоть и был с ней в отличных отношениях, всё равно её побаивался. Он тут же соскочил на пол и принялся смущенно ерошить волосы, глупо посмеиваясь. Сюэинь закатила глаза и сообщила, что пришел Юй Цзиньян и спрашивает, не хотим ли мы перекинуться в картишки.

— Ты же на каток собиралась? Чего так рано? — я глянул на часы. Не было и трех. Обычно она с друзьями пропадала до самых сумерек.

Лицо Сюэинь на мгновение стало странным, она недовольно надула губы:

— Была я там. Народу тьма, толкотня одна, никакого удовольствия! Брат, давайте лучше в «Шэнцзи» сыграем.

Из-за её плеча показалась голова Юй Цзиньяна. Он смотрел на нас умоляющим взглядом. В то время он по росту и сложению уже не уступал Вэй Ицзуню — крепкий такой парень, но Сюэинь вертела им как хотела. Он ходил за ней хвостиком, выполняя любое поручение, и эта его преданность растянулась со средней школы до самого университета. Тогда я и подумать не мог, что он окажется таким однолюбом.

— Ладно, — я махнул рукой. — Давайте в «Шэнцзи».

<http://bllate.org/book/17483/1694216>